05 1991

0 1 2

ТУ–19–241–82

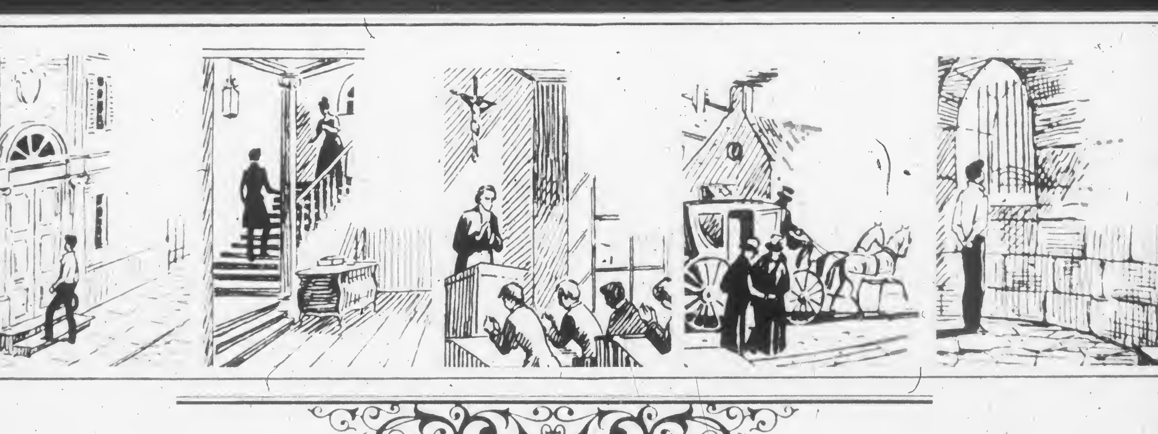
1

3.

студия
ДИАФИЛЬМ

07—2—689

Ф. Стендаль
и его роман
«Красное и черное»

Диафильм по литературе для IX класса

I

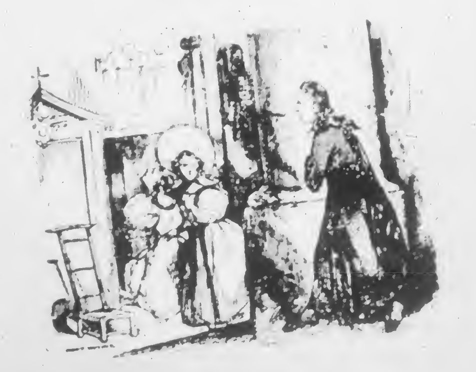
Стендаль и цвета его времени

LE ROUGE
ET LE NOIR

CHRONIQUE DU XIXe SIÈCLE

PAR M. DE STENDHAL.

TOME PREMIER.

PARIS.

A. LEVAVASSEUR, LIBRAIRE, PALAIS-ROYAL

На прилавках парижских книжных магазинов в 1830 году появился роман со странным названием — «Красное и черное». Имя его автора — Фредерик Стендаль — мало что говорило тогдашней читающей публике.

Теперь его знает весь мир; знаменитые режиссеры ставят по произведениям Стендаля фильмы и спектакли; лучшие актеры играют его героев.

А тогда... Книготорговцы недобро шутили: писания этого бумагомараки внушают столь священный трепет, что к ним никто не осмеливается прикоснуться.

„To the happy few"—«для немногих счастливцев». Это английское изречение поставит писатель вместо привычного слова «конец» в одном из последних своих романов — «Пармская обитель».

Объявляя книгу доступной лишь избранным умам, он как бы заслоняется от черноты молчания, каким современники встречали его творения.

При жизни Стендаля оценили действительно «счастливцы»: Бальзак, Гете, Пушкин.

Анри Бейль.
Медальон работы
Давида д'Анжера.

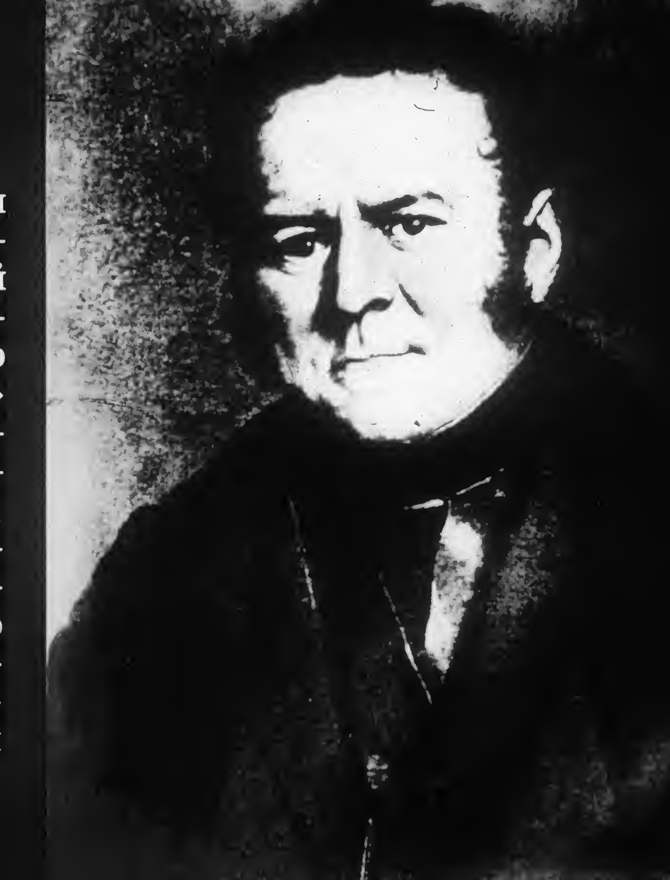
Рисунок
Альфреда де Мюссе.

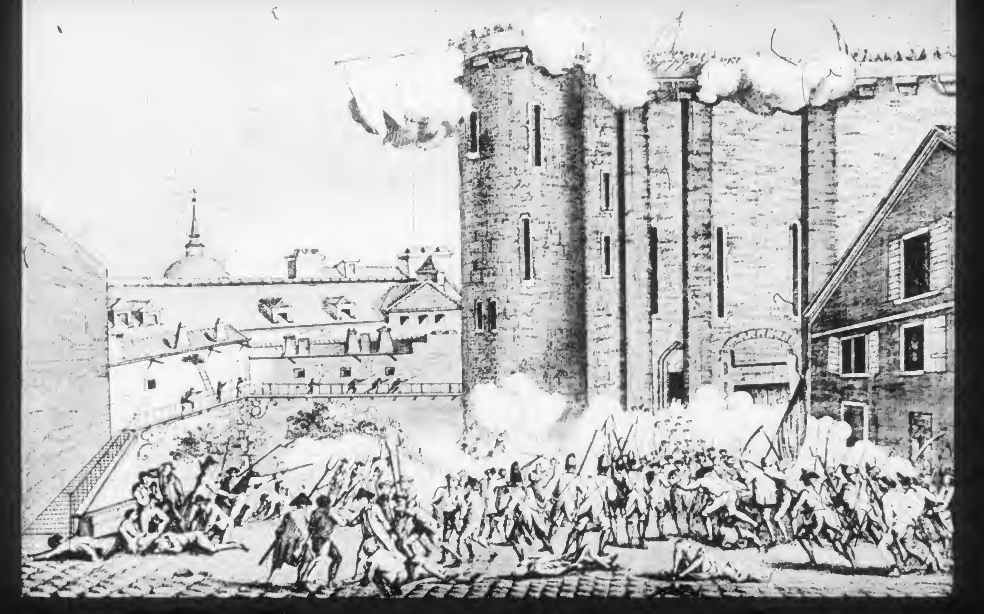

Карикатура
Анри Монье.

«Высокое превосходство его идей лишило (его) той скорой, но преходящей известности, какой домогаются льстецы народа, но презирают великие души», — писал Бальзак в 1840 году в статье, посвященной Стендалю.

Да, в 1830 году для большинства французов он лишь отставной наполеоновский офицер Анри Бейль. Автор «Красного и черного» уже немолод. Его по-мужицки грубое красноватое лицо, полное, неуклюжее тело говорят о нездоровье и близкой старости. И только живые, проницательные глаза выдают острый ум и бунтарский характер.

Анри Бейль был на шесть лет старше Французской революции 1789 года и в раздумьях о происходящем всегда вел отсчет со дня взятия Бастилии. Красный отсвет памятных ему с детства грозовых событий ощущается во всех его произведениях.

Воспитанный дедом — вольнодумцем, поклонником Просвещения XVIII века, Бейль еще мальчишкой стал ниспровергателем домашних «бастилий».

Набожная благопристойность и скучная деловитость отца, адвоката судейской палаты в Гренобле, вызывали протест незаурядного, дерзкого в суждениях юноши.

Анри Ганьон — дед писателя.

Дом Бейля в Гренобле.

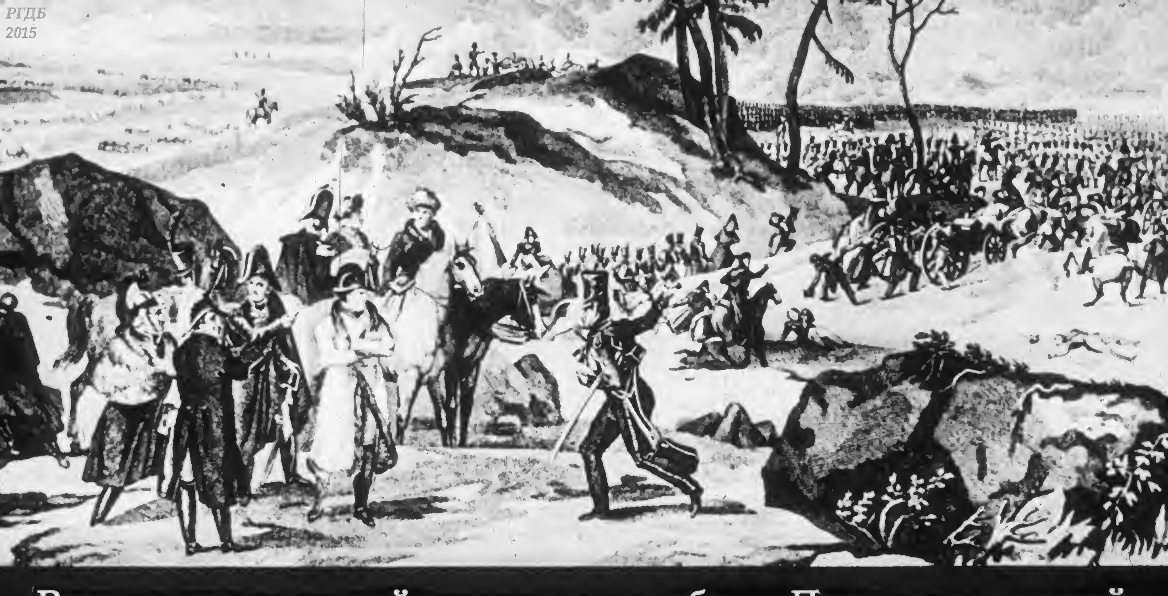
И хотя учитель—аббат, нанятый отцом,—побоями вдалбливает юному французу катехизис и латинский язык, он учится на революционных улицах вольнолюбивого Гренобля.

Затем блестяще заканчивает школу, основанную по приказу Конвента.

А. Бейль—ученик Центральной школы в Гренобле.

Ненавидящий все, что сковывает личность, предпочитающий туманному славословию точные аналитические знания—таким Анри Бейль начинает самостоятельную жизнь в Париже.

Вместо задуманной поначалу учебы в Политехнической школе он вступает в армию Бонапарта. В качестве военного чиновника исколесит Бейль всю Европу, станет очевидцем Бородинской битвы, торжества и падения наполеоновских войск. Он переживет увлечение полководческим даром Наполеона и мучительное разочарование в тиране, «похитившем свободу Франции».

«Я пал вместе с Наполеоном в 1814 году. Лично мне это падение доставило только удовольствие».

Но если отношение к Бонапарту было двойственным, то вернувшихся в обозе его армии Бурбонов он однозначно ненавидел.

Не желая быть свидетелем реставрации монархии и твердо решив сменить шпагу на перо, Бейль обосновался в Италии. Там выходят его первые книги о композиторах и живописцах.

Однако непочтительные высказывания о властях, дружба с заговорщиками-карбонариями становятся причиной высылки его на родину.

Франция не радует Анри Бейля—гражданина и Стендаля—писателя. Монархия пробует восстановить дореволюционные порядки. Три хищника грызутся у ее кормушки за власть и деньги: перепуганное революцией дворянство, ханжеское духовенство, наглый, убогий духом торгаш.

И в литературе время как бы потекло вспять: в почете либо раболепное угодничество перед монархией, либо слепое подражание дряхлым образцам. Талантливые романтики во главе с Гюго пытались сокрушить твердыни псевдоклассической литературы. Стендаль тоже называет себя романтиком, но прибавляет при этом — «истинный».

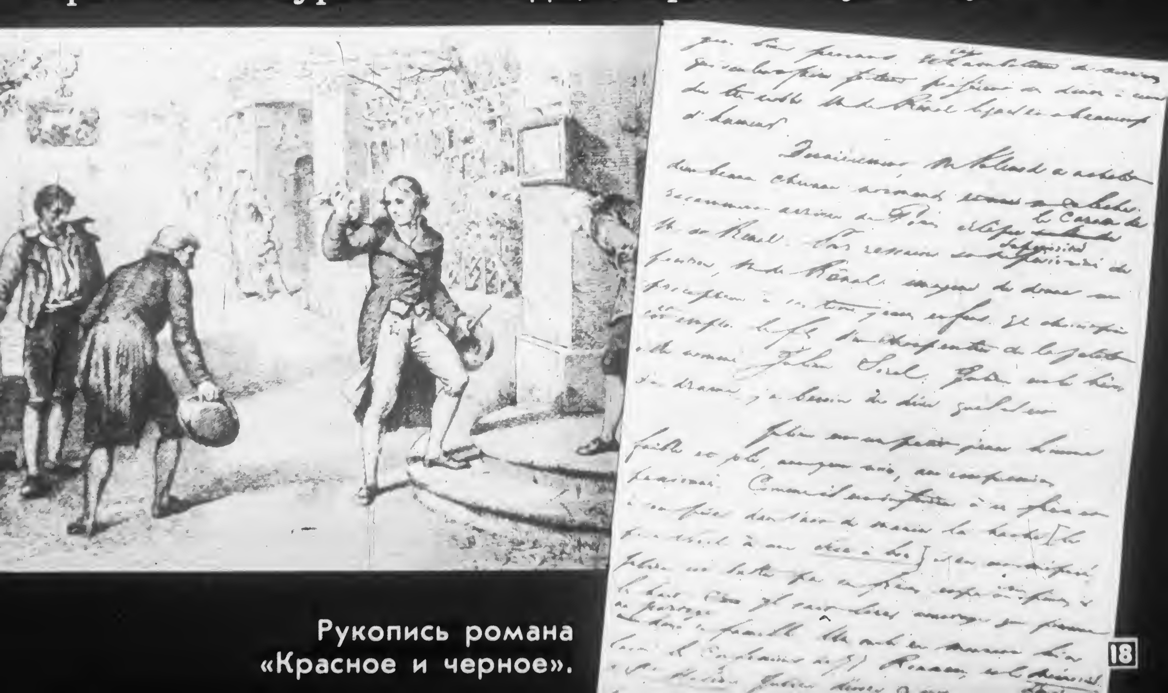

Французские писатели-романтики (середина XIX в.).

Он искал свой путь в литературе. Ему чужды были туманные излияния, пристрастие к роковым тайнам и неземным страстям. Пером его водила не безудержная фантазия, а философское познание реальной жизни и человеческой души.

Страдая от непонимания и непризнания, Стендаль настойчиво следует своему утверждению: «Роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы».

Рукопись романа «Красное и черное».

II

Дело Антуана Берте́—
дело Жюльена Сореля

Зная, что его считают чудаком, Стендаль тем не менее советовал своим друзьям почаще заглядывать в «Судебную газету». Для него уголовная хроника была кладезем человеческих и исторических документов, которые высвечивали непростые отношения общества и личности.

JUSTICE CRIMINELLE

COUR D'ASSISES DE L'ISÈRE. (Grenoble

(Correspondance particulière.)

Именно в «Судебной газете» Стендаль наткнулся на отчет об уголовном преступлении, событийную канву которого он использует в романе «Красное и черное». В декабре 1827 года гренобльский суд слушал дело некоего Антуана Берте, сына кузнеца, учителя в дворянской семье, стрелявшего в мать своих учеников.

Как и герой стендалевского романа, Берте был уволен из дома крупного буржуа Мишу, поступил на службу в семью местного аристократа, дочь которого влюбилась в юного плебея.

В процессе Берте уже как бы намечены были и роль горничной, разгласившей тайну отношений Берте и мадам Мишу, и ее подруги, и доброго кюре, покровительствующего юноше.

Писательское «следствие по делу» лишено чиновничьего почтения к процедуре судопроизводства. Для Стендаля закон—его совесть, его мировоззрение. И он поднимает «весьма обыденное уголовное преступление на степень историко-философского исследования общественного строя» (М. Горький).

Автор проведет своего героя через все слои общества, столкнет с множеством персонажей—от бедного деревенского священника до вельможи-епископа; от крестьянина, провинциального либерала, итальянского карбонария до аристократа, близкого ко двору.

И перед читателем предстанет впечатляющая картина упадка нравов.

Мотивы поведения, движения ума и души Сореля писатель рассматривает в обстановке, когда зреют заговоры аристократии («Секретная нота»). Наглеющие буржуа норовят вырвать власть из рук вырождающегося дворянства (негоциант Вально теснит мэра де Реналя). Плетут интриги иезуиты.

В юном Берте Стендаль разглядел черты, характерные для нового поколения революционной Франции—способных и образованных молодых людей из простонародья.

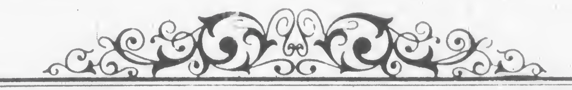

Разумеется, гренобольского Берте и стендалевского Сореля роднят лишь внешние обстоятельства.

Автор отдает герою романа часть собственной души, ума, редкостной индивидуальности, в какой-то мере делает его носителем своего взгляда на жизнь, на общество, выразителем своей философии, мировоззрения.
Так каков же он, герой Стендаля?

III

«Красное» и «черное» Жюльена Сореля

Гувернер в семье мэра провинциального городка Верьера; ученик семинарии в Безансоне; секретарь крупного парижского вельможи и узник Безансонской тюрьмы—таков недолгий жизненный путь молодого мятежного простолюдина.

Вы обратили внимание на эпиграф к кульминационной главе «Гроза»? «Даруй мне, господи, посредственность» (Мирабо). Эта грустно-ироническая просьба, обращенная к небесам,—психологический ключ к пониманию характера Жюльена.

Он принадлежит к поколению, чьи отцы брали Бастилию. Наполеон для них—легенда, символ того времени, когда положение завоевывали личным умом, отвагой, энергией.

Жюльен тоже его страстный поклонник. Из революционного прошлого заимствует он свой внутренний кодекс чести. Сорель красив, умен, образован, у него пылкое сердце, врожденное благородство манер. И ко всему—«непреклонная решимость преуспеть или умереть».

Но он «опоздал» родиться. Ныне плебею для охоты за счастьем предлагается расчетливо-лицемерное благочестие.

Жюльен как игрок у красно-черного поля рулетки—на каком попытать счастья? И понимает: чтобы преуспеть, самоутвердиться, надо надеть мундир по времени—сутану, а вместо шпаги сделать своим оружием ханжество и хитрую покорность.

На этом сложном пути рассудок должен постоянно держать в узде чувства.

«К оружию!» Наперед рассчитывать каждый свой шаг, воспитывать в себе волю и непреклонную решительность—с таким намерением вступил он за чугунную ограду дома верьерского мэра и начал борьбу на незримых комнатных баррикадах.

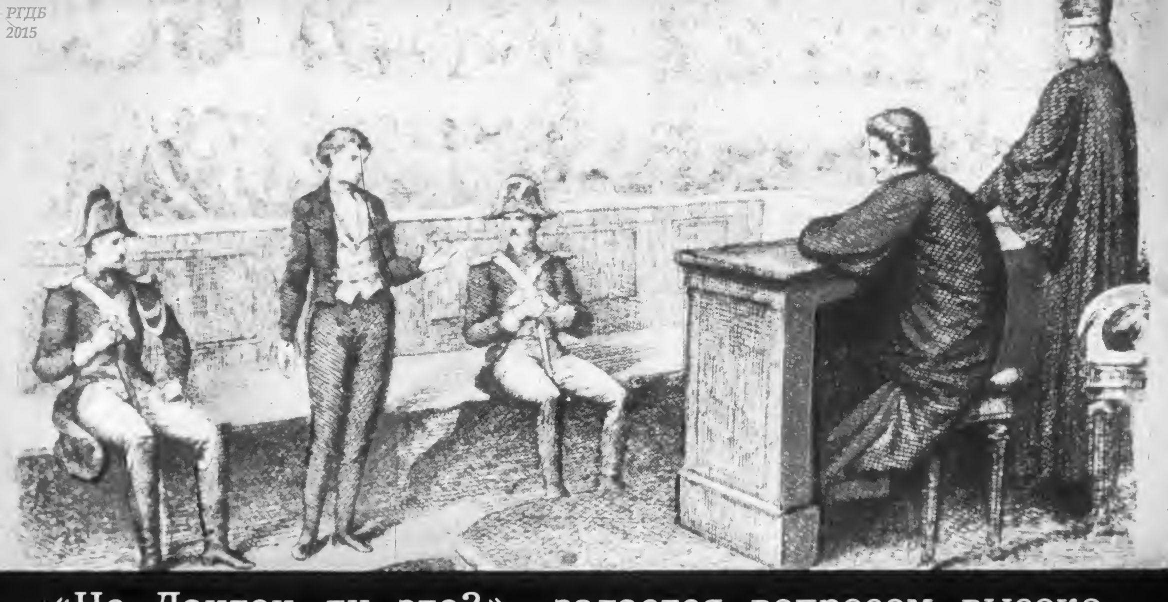
Вспомним оба его любовных романа. Госпожу де Реналь он решает покорить, чтобы потешить свою гордость, тщеславие, преодолеть робость, естественную в отношении к замужней женщине. Помните: его долг удержать ее руку в своей—«иначе иду к себе, и пулю в лоб»?

А первое свидание с гордячкой Матильдой де Ла-Моль, властвующей в парижском свете? Оно было совершенно ледяным... «Вряд ли когда-нибудь такие любовные речи произносились столь холодным и учтивым тоном».

Нелегко Жюльену крушить бастионы на пути к успеху. И дело тут не в их крепости. Он чужой (и не только по происхождению) тому свету, куда стремится попасть. Как бы искусно ни прятал Сорель свой ум и честолюбие, они проявлялись в его гордой замкнутости.

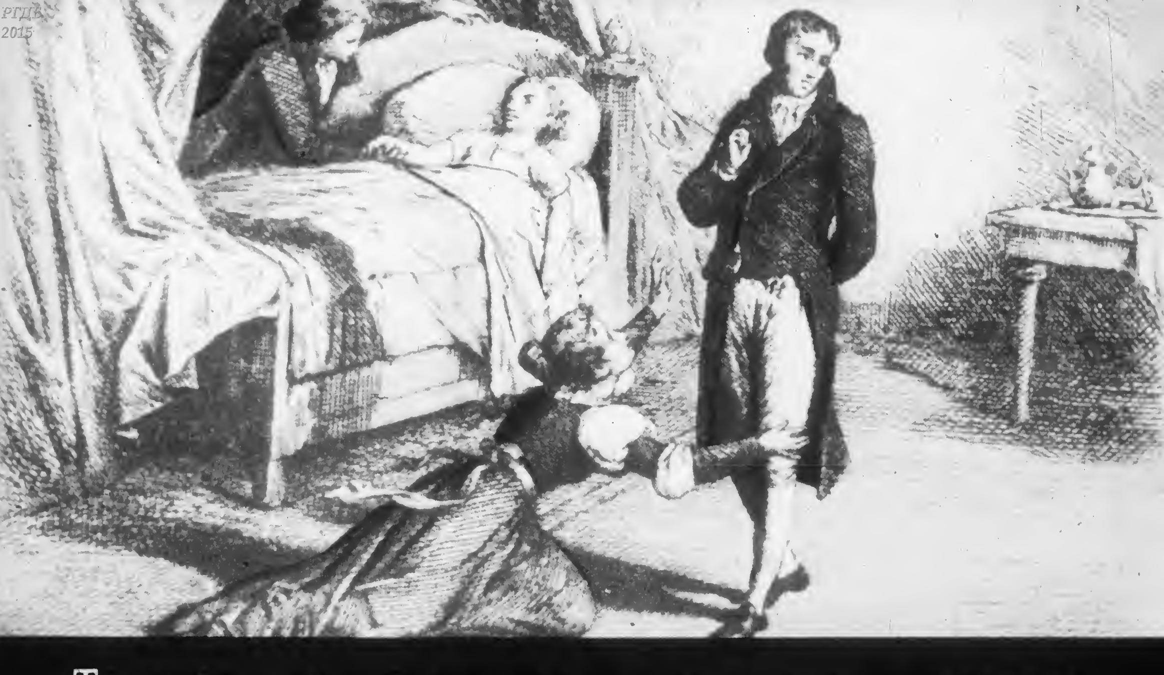

«Не Дантон ли это?»—задается вопросом высокомерная Матильда, угадав в Жюльене натуру, способную на сильное чувство, на резкое, решительное действие. Смертный приговор в конце романа—месть обороняющихся собственников. Они в лице Сореля карают всех молодых плебеев, восставших против своего удела.

Но, думается, главное—это разлад холодного рассудка с горячим сердцем.

Бунтарская натура юноши не может смириться с карьерой святоши. Кодекс чести запрещает ему строить счастье на бедах ближнего.

Трудно усомниться в его искренности у постели больного сына госпожи де Реналь. «Ах, тысячу раз я отдал бы жизнь мою, чтобы хоть узнать, как тебе можно помочь... О господи! Как это ужасно, что я не могу взять на себя болезнь Станислава!»

Сколько ни пытается Жюльен использовать любовь как инструмент своих тщеславных замыслов—он неизбежно оказывается в ее плену. Холодно продуман каждый шаг, каждый жест на пути к женскому сердцу—но наступает мгновение, и он бросается к ногам мадам де Реналь и как ребенок рыдает, обхватив ее колени.

К любви как к спасению души, как к истинному счастью придет Жюльен в конце своего короткого жизненного пути после нелепого и рокового выстрела в церкви.

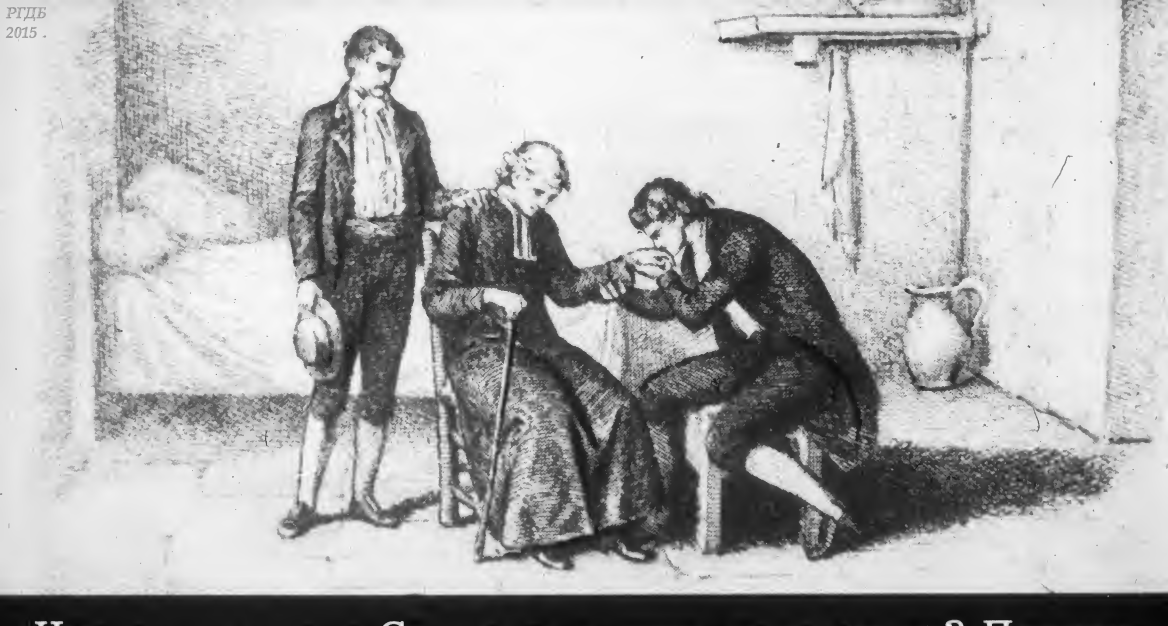
С его умом нетрудно было бы выпутаться из ловушки, в которую он попал из-за письма бывшей возлюбленной. Сорель сумел бы избежать и смертной казни, но обретенное «я» не позволило унизиться перед ничтожествами, которые его судили.

В тюрьме просыпается все, что он так тщательно в себе подавлял,—великодушие, мечтательность, сердечное тепло. Просыпается жажда бесхитростной, искренней, жертвенной любви. Но тихое розовое счастье быть рядом с любимой недостижимо. Черная тень гильотины закрыла предсмертную идиллию.

«...Что касается меня, я беру билет в лотерее с таким главным выигрышем: иметь читателей в 1935 году»,— предсказал себе Стендаль в автобиографической повести «Жизнь Анри Брюлара». И не ошибся. Будучи плотью от плоти своей эпохи—ее истории, культуры, жизненного уклада,—он извлек из нее такую человеческую правду, которая не устаревает никогда и которая позволила Горькому назвать его романы «письмами в будущее».

Что же завещал Стендаль в этих «письмах»? Прочтите другие его книги. Вы увидите, что все любимые детища его воображения ищут счастья. Исход поиска всегда трагичен. Одну из причин писатель видит в черном недоброжелательстве исторических обстоятельств. Так что же—сдаться судьбе?

Нет, писательский завет иной: единственной мерой суда над собой должно быть собственное достоинство, честь и душевное благородство, выказываемые личностью вопреки историческому бездорожью.

КОНЕЦ

Диафильм создан по программе, утвержденной Министерством народного образования РСФСР.

В нем использованы репродукции с рисунков художника Х. Дюбуше и кадры из французских фильмов (в ролях Жюльена Сореля и Фабрицио дель Донго — Жерар Филип).

Автор Н. ЗВОЛИНСКАЯ

Художник-оформитель Т. НОСКОВА

Редактор В. ЧЕРНИНА

Д-118-90

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Черно-белый 0-43

